

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНЪ

Sonntag-Ausgabe Nr. 43

687-й

Воскресенье, 28 (15) октября 1923 г.

4-й Г. ИЗД.

2 Milliarden
М а р к

28. 10. 1923



RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von I. Hessel, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписная цѣна. Въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкою собствен. разсыпью, ежедневно на домъ: 16 миллиард. м. въ недѣлю. Цѣна перес. по почтѣ и подъ бандер. въ Герм. мож. быть измѣн. аъ теч. подписки: Внѣ Германіи: и въ Европ. странахъ: Австрію 20,000 австр. кронъ, Англию 4 шил., Бельгію 8 бельг. фр., Болгарію 35 лев., Венгрию 9,000 венг. кронъ, Голландію 2 голл. гульд., Грецію 16 драхмъ, Данію 4 дат. кроны, Испанію 4 пезеты, Италію 12 ит. лиръ, Латвию 120 латв. руб., Литву 4,50 литъ, Люксембургъ 8 фр., Норвегію 4 нора. кроны, Польшу 150 000 польск. м. за $\frac{1}{2}$ мѣс., Португалію 12 эскудо, Румынію 90 лей, Финляндію 12 фин. мар., Францію 8 ф., Чехословакію 16 чеш. кронъ, Швейцарію 4 швейц. фр., Швецію 3 швед. кроны, Эстонію 15 эст. мар., Югославію 35 динаръ. Во вѣтвяхъ Европейскія страны: Азію вост. 2 іены, Азію зап. 4 шил. Америку вообще 2 долл., Аргентину 2 бум. песо, Бразилію 5 мільяр., Чиле 5 бум. песо; Африку: Англ. вл. 4 шил., Итал. вл. 12 ит. лиръ, Франц. влад. 8 фр. фр. Къ заказу просятъ прилагать деньги, во избѣженіе зачедленія высылки.

Объявления: цѣна въ герм. маркахъ = новофранценту помноженному на основную цѣну:

Сегодня: 9 000 000 000 × 0.20 за миллим. (ширина строки)

въ отдѣлѣ объявлений,

× 1.35 за миллиметръ въ текстѣ,

× 0.18 за миллиметръ въ объявленія о розыскахъ и смерти,

× 0.12 за миллиметръ для врачей и пра-
сіжныхъ новѣренныхъ,

× 0.16 за миллим. для ищущихъ иѣстъ.

При крупныхъ заказахъ скидка по тарифу. Заграниц-
ные объявления по особому тарифу.

Нриемъ объявлений и подписки въ "Ullsteinhaus", Berlin SW 63, Koch-
strasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ull-
stein'a.

Редакція (тамъ-же) открыта ежедневно отъ
11 час. утра до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ еже-
дневно отъ $\frac{1}{2}$, до $\frac{1}{3}$ часа дня. Телефонъ редакціи
Dönhoff 47-61.

Основанъ I. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминка и В. Д. Набоковыиъ †

Художественному театру (1898-1923 г.)

Завтра... сегодня... вчера... Завтра...
сегодня... вчера...

Вот оно дразнить, томить, торонить
к себе, неведомое зата гра; рвется к
нему меньшинство, гуляя на прошеш-
шилье, безжалостно ломая и убивая насто-
ящее; оползаются против него приросшие
к прошлому — издаются, оскорбляют
и улюлюкают.

Сегодня; — в ото, торжествующее
среди толпы, но уже не удовлетворяющее
бутацких единицы, уже взятые
подъ подозрение, уже собирающиеся
уходить во —

В ч р а ..

Вчера... Что же оно такое, это вчера?
Это — бывший, стыдливый бой. Безжало-
стный бой; завоевание того, «чего нять»
из съѣтъ, софьи нѣть на съѣтъ... Это —
спокойное вѣроподданчество завое-
ванныхъ... Это — безпораженіе толканий
людей нозаго, паки грядущаго,
съѣга на главной главной курганахъ.

О тебѣ, Московский Художественный
театръ, говорю, думай и чувствуя я, го-
воря о завтра, о сегодня, о вчера. О тебѣ,
юный, гордый бунтовщикъ; о тебѣ, ар-
тистъ мудрый правитель; о тебѣ, старикъ,
у которого подъ зеленою и золотомъ лав-
роваго вѣнца кудри «блѣлы какъ утренний
съѣгъ» надъ главной главной курганахъ.

«Прошли еще тысячелѣтія — одна ми-
нута» — сказали художники о жизни
горы; «прошло четверть вѣка; маленькая
четверть маленькаго цикла — тысячелѣтія

въ наше горячшее, сорвавшееся съ цѣ-
ней, времена. Ты — юниора. Ты вспоми-
наешь, сегодня, свою жизнь.

И я вспоминаю ее; вспоминаю со всѣ-
ми тѣмъ, съ кѣнь вмѣстѣ ты ее прожилъ.
Тебѣ есть что вспомнить, старикъ! Охъ,
сколько же они вѣбѣли, эти двадцать
дѣтей! Какъ они насыщены...

Давай вспоминай.

1898-го года. Еще цѣтѣтъ и властвуетъ
прекрасный Малый театръ. Бодро, уѣ-
ренно, въ полную силу голоса, въ полную
шире жеста, въ полную ясность рѣзко
дѣкорированного чувства играютъ его арти-
сты, вѣра, что они — и вѣтрашне, и сог-
дѣнишне, и заѣтрашне. Покорными сле-
зами примириенія трепещетъ голосъ. Фе-
товской; нешкормыми, приступающими къли-
камъ зоветъ Ершоловъ; стародавній За-
москворѣчье во ржавца, въ стѣ другихъ
славныхъ, честь Садовскихъ; европейски
представляемъ лирический Ленскій и волевої,
декоративный Южинъ. Сегодня ирина-
дѣжало дому Шенкана, но — болѣе, вол-
новалось чулко приближеніе родовыхъ
мукъ дѣракъ завтра.

Два человѣка создали его: Владимира
Ивановича Немировича-Данченко и Кон-
стантина Сергеевича, ст. фамильеи: Але-
ксѣевъ, съ именемъ: Станиславскій.

Владимиръ Ивановичъ. Здравствуйте,
Владимиръ Ивановичъ! Извѣзарбженіи
изъ патѣтѣніи разлуки, черезъ голо-
ры и провала соціальнихъ перегородокъ
противъ я вѣмъ руку, странникъ, удив-
ительный человѣкъ, скончай кипуч-
есть, уравновѣшеній блѣтъ, обжига-
щій лѣдъ. Родной братъ прекраснаго, том-
наго, полнаго шарма «цикла» двора-
нина; Василий Ивановичъ. Родные браты

— и «вона» и камень, стихи и проза,
ледъ и пламень не столь различны между
собой». Василий Ивановичъ, великолѣп-
нѣйший иносказъ мужского начала, человѣкъ
съ боями, женственность и по тем-
пераменту, и по склонности къ мечтатель-
ности, и по знойной юго-восточной крас-
отѣ лица, фигуры и всей повадки. Истин-
ный рыцарь плаща и шапки. И — Влади-
миръ Ивановичъ. Чуть чуе выше сред-
наго роста, умаленіемъ кореностью, пря-
моугольностью фигуры. Вмѣсто един-
ственныхъ, лѣжно воинистъхъ бакси-
бардовъ братъ — круглая кунечская бород-
ка; вмѣсто иностранного капузы — проза-
нически-гладко зачесанные вверхъ волосы;
вмѣсто блѣущихъ, по южному влажнымъ
очей — глаза, гладище трезво, вдумчиво-
буднично, спокойно; съ упрастомъ? —
нѣть, съ волой, которую пѣтъ на пер-
шебѣ.

Василий Ивановичу надо бы пѣть, ме-
ходѣклировать. Владимиръ Ивановичъ
говоритъ спокойнѣй ровьимъ голосомъ,
тихимъ и холдомъ. Много разъ приходи-
лось мнѣ съ нимъ выступать передъ
одинъ и то же аудиторіе; много разъ
приходилось ему выступать, возражая,
или дополнять меня на моихъ лекціяхъ, о
театрѣ. Всегда, при всѣхъ обстоятель-
ствахъ, — одинъ и тотъ же: прозаическо-
будничный, застогнутый на
тигуновъ всегда нового, прекрасно
зиганта сюруга, съ холдомъ, разно-
душными лицомъ, со спокойнѣй голо-
сомъ — умныи, образованыи, специфич-

скии московскій купчикъ, «дженгельманъ»,
лишеннѣй карикатурныхъ, чортъ. Таковъ
и на допустахъ, таковъ и въ юбилейномъ
словѣ о своемъ дѣтѣнѣ-театрѣ, таковъ и
говорящий товарищеское слово умирающе-
му другу Чехову. Столѣтъ передъ публикой
Художественного театра — породѣ
вѣтъ, что суть выдающагося въ Москву —
Чеховъ, блѣдный какъ смерть, худой
какъ скелѣтъ, съ пылающими розами на
обострѣвшихъ скулкахъ, Чеховъ, заѣ-
ско-мѣсяцевъ до смерти, — и холдомъ
разнодушнѣй, ровнѣй голосъ говори-
ть ему: «Дорогой Антонъ — сегодня
всю дѣнь твоего юбилея...»

Всюду такой же, какъ будто онъ у се-
бе въ кабинѣ, подъ Большой Никитской
улицѣ, за работой. Смотреть на публику и
всѣмъ видомъ, всею сущностью, го-
ворить:

Формулируя нѣсколько мыслей, кото-
рыя моля сейчасъ запомнить, и соверша-
но не заинтересованы въ томъ, — попра-
вится вамъ отъ, или пѣть. Не ускоритъ
темпа, но полнѣмъ тona, не лѣтъ ни-
кому никакъ взятки, и, приведя въ дѣ-
жение весь механизмъ, создавъ его, —
самъ скроется за него. Да есть-ли онъ?
Существуетъ ли?

«Гомеръ, Шекспиръ и самъ Создатель —

Три вѣрѣ высшіе творца» —
такъ спрятались за свои творенія, что у
человѣка лѣяется великий соблазнъ отвер-
гнуть ихъ существование.

Всѣ и Владимира Ивановича тоже.

Завтра въ Художественный театръ от-
правятся такъ, какъ отправляются только
въ Художественный театръ, — съ воле-
ніемъ, порваннымъ ожиданіемъ, со сладкой
тревогой; завтра здѣсь явится чудо — по-
ловѣ въ искусстве (слово какъ!)
Естакуты и испугаютъ Римъ Цезарь, по-
разить впервые воображеніе свято-юри-
дичнаго постѣднѣй риориковитъ, состояться, по
слову П. Д. Бородыни, «коронація Грип-
ки Отрѣзьва» — постановка «На дѣлѣ» —
Завтра эрзитъ залъ будеетъ не погра-
сентъ, будеетъ вѣнчать; разнесется, вмѣстѣ
съ прессомъ, вѣсть о новой побѣдѣ по всей
Москвѣ, по всей Россіи — а сегодня въ
театрѣ, одинъ одишененъ, сидитъ Влади-
мира Ивановичъ, годы упорно и без-
шумно работавшій надъ созданіемъ «от-
кровенія», — сидитъ съ часами въ ру-
кахъ, и персъ пимъ, по многу разъ
подъядъ, мѣняясь, одна изъ другого, деко-
раціи. По многу разъ, по многу разъ.
Эта декорация должна быть поставлена во
столько то минутъ; эта — во столько то:
эта — во столько то... Проходить часы
за часами; Владимира Ивановичъ отчи-
тывается минуты. Существуя сущности
дѣла и подробностей его подробностей
онъ отдаѣтъ одинаково огромное вниманіе.
Онъ по знаетъ, что значитъ глашно
и третьячно. Все — самъ главное. И
поэтому художественный театръ — театръ
безъ случайностей, безъ анекдотовъ, безъ
предсудитѣнія.

Часы идутъ, проходять...

— «Работа, — говорить мнѣ Владимиръ
Ивановичъ, — должна быть такой, чтобы
къ неї тянуло, какъ къ пороку; чтобы отъ
неї цѣлью было оторваться и чтобы,
стравившись, вы истериально сѣбѣшили къ
ней возвратиться».

Насладившись такъ работою, онъ не
ощущалъ уже охоты наслаждаться уча-
ствиемъ въ триумѣ. Никогда не шелъ «ѣх
публикѣ».

Постоянно стремился ввести въ сцену
человѣка изъ жизни. Находилъ камергра-
дъ лица, фигуры и всей повадки. Истин-
ный рыцарь плаща и шапки. Аргамъ, старо-
го же общественаго дѣянія, брата знаменитаго философа, Лоп-
тина, и пѣхъ пѣхъ:

— «У профессиональныхъ актеровъ ша-
блонъ, вычука, «тогицъ»; внесите на
сцену настоящую жизнь».

Репетировать сцены пѣкоторыхъ пѣсъ
съ людьми, никогда не ставившими на
сцену, — а самъ за всѣ двадцать пять
лѣтъ ни разу не соблазнился сыграть, ни
разу ни на однѣмъ пѣсѣмъ ничего не про-
челъ. И знаютъ только артисты Худож-
ественного театра, какъ читаетъ Вл. Ив.,
знаютъ, что пока по прочтѣ онъ труппѣ,
до тѣхъ поръ не будеетъ вынута изъ неї
съ сордѣзиной, спрятанная подъ подъ-
замками новой формы, непривычныхъ
примѣровъ.

Не родитъ себя, какъ актера, онъ, со-
здавъ театръ, убѣдилъ себѣ какъ драматурга.

Авторъ «Нового Дѣла», «Золота»,
«Цѣни жизни» — умный и талантливый, —
онъ только разъ поставилъ въ своемъ теа-
трѣ свою пѣску: «Въ мечтахъ». Въ са-
момъ пачать жизни театра.

Затѣмъ холдомъ, суко и твердо сказали
 себѣ:

— Это пѣхъ вершинъ, на которыхъ дол-
женъ идти театры.

И больше не соблазнился ни разу.

Но зато онъ создалъ другихъ драма-
турговъ.

Онъ создалъ драматурга Чехова.

Онъ убѣдилъ его писать пѣску. Онъ
пастоялъ на томъ, чтобы убѣдить въ Александрийскомъ театре «Чайку» воскрес-
снѣти въ Художественномъ; онъ убѣдилъ въ
мимозѣ душѣ Чехова отвѣтить постъ
проверка «Чайки» къ драматургии; онъ даль-
его спектакль.

И то было бы безъ Вл. Ив. драматурга
Андреева, хотя очень и очень, во многомъ
и во мнозѣ, отличалась отъ него. Но недо-
вольныхъ становились все мечты; во-
сторгъ перелъ человѣкомъ, создавшимъ
новое, новое и всегда новое, рѣсъ въ глу-
бину и въ ширину.

Станиславскій сѣялся оракуломъ, и
сѣялся имъ по праву. Оглашись на
крупнѣйшихъ режиссеровъ Россіи и Евро-
пы. У него глубина и сложность и раз-
нообразие достигали чѣмъ-нибудь подобнаго.
Кто такъ неустанный, годъ за годомъ,
въ теченіе четверти вѣка, давалъ новое, но-
вое и новое?

И самъ главное — вѣчное недовольство
себой. Въ восторгѣ печать восхищается
публика, но — «но го» — говорить самому
себѣ Станиславскій и ломаетъ, идѣть отъ
одного принципа къ другому, отъ стиля
къ стилю, отъ ереси къ ереси.

«Теорія Станиславскаго» — два зако-
ловъднѣйшихъ слова. Что скрываютъ оп-
подъ себѣ? Формулировала ли она сѣ-
чать? Появилась ли, наконецъ, въ печати?

Какоже, еще пѣтъ, но сколько о ней го-
ворили, искали, спорили. О непечатаной
и не созданной еще теоріи издава-
лись книги, какъ, напр., книга Ф. Ф. Ком-
мѣссарскаго; а оль писалъ и перепи-
салъ, дѣялъ и перепѣтывалъ — «я не
умѣю писать; я пишу медленно...» Пи-
салъ вѣсъ 25 лѣтъ, и вѣроятно это было 25
теорій, отъ полной подлинности ис-
полнителя режиссера до полной его спо-
боды.

И игралъ роли. И погода съ толковы-
емъ Станиславскаго можно спорить;

и погода несогласиться съ нимъ, очень ча-
сто это вѣхъ — и всегда чувствовать,

что это крупно, самобѣло, полно интереса
и перепорачивать вѣхъ дномъ ис-
традиціи. Одинъ докторъ Штокманъ, чѣ-
сто стоитъ. А за имъ идти Астровъ, Кру-
тицкій, Шабельскій, Сатинъ, Михаилъ Кра-
мэръ, кавалеръ днѣ-Франціи, кн. Образ-
ковъ и прот., и проч., и проч.

Приводимъ артистъ и гопіальный
режиссеръ, крупнѣйшии въ прошедшемъ, и
постоянныи безъ преемниковъ пока въ
будущемъ.

И счастливъ весь въ исканіи. И счастливъ
новое увлечение — ритмикой Дальроза,

примыкающей съ кѣ драмѣ.

Усевъ пѣть давно; въ чарыхъ бро-
захъ, какъ говорятъ Французы, уже боль-
ше соли, чѣмъ персъ, но сколько поры и
счастливъ въ его режиссурѣ, въ его игрѣ,
въ его фанатической мечтѣ насладить та-
етральнъю студію во всей Европѣ!

Константина Сергеевича! Вѣсъ не всегда
дополняетъ, отъ мимы до всѣхъ соглаша-
ется, но корона царя режиссеровъ (я не
отвѣтственъ за мон контр-ролюціон-
нѣа срѣвоніа) до сихъ поръ чисто дер-
живъ на вѣхъ сѣднѣахъ, и склонѣть
его такъ прочо, какъ прежде, держать
въ руки руки.

Привѣтъ, благодарность и поздравле-
ніе...

Къ вѣхъ теперь слово, юноши 1898-го
года, юноши заслуженные артисты на-
шыхъ днѣвъ! Къ вѣхъ, господа Худож-
ественнаго театра!

Парниже.

Сергѣй Аблоновскій.

*